

ИСТИННАЯ ДЛЯ ШЕСТЕРЫХ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

АРИНА РОЗ

18+

Истинная для шерстяных

Арина Роз

**Истинная для шестерых.
Продолжение следует...**

«Автор»

2026

Роз А.

Истинная для шестерых. Продолжение следует... / А. Роз —
«Автор», 2026 — (Истинная для шерстяных)

На секунду я уже поверила, что ОНИ - лишь игра моего разума, застрявшего в коме между жизнью и смертью. Оказывается я - единственный шанс на нормальную жизнь для беглой аратанской стаи. Но они мне лгали! Как теперь снова доверять им и сделать выбор, от которого зависит жизнь, теперь уже, семерых? Кейрона, Даркса, Грея, Вульфа, Шейда, Блэйда... и меня.

Содержание

Глава 1. Они настоящие	5
Глава 2. Симуляция	7
Глава 3. Разбор полетов	9
Глава 4. И треснул лед	11
Глава 5. Нет выхода	15
Глава 6. Условия	17
Глава 7. Первая в реальности	20
Глава 8. Дважды первый	23
Глава 9. Никаких глупостей	26
Глава 10. Огонь и страсть	31
Глава 11. Магия связи	33
Глава 12. Исцеление	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Арина Роз

Истинная для шестерых. Продолжение следует...

Глава 1. Они настоящие

Я лежала в больнице и непрерывно смотрела на белый потолок. Этот тошнотворный, стерильный цвет – визитная карточка любой палаты. Абсолютно ровный, без изъянов, без индивидуальности.

Я смотрела на него уже бог знает сколько времени.

Веки тяжелели, но сон не шел. Вместо него в голове крутились обрывки — корабль, клетка, серебряные глаза Шейда, рык Вульфа, тепло рук Даркса. Метки. Гон. А потом — белая вспышка, и вот я здесь.

Сердце колотилось где-то в горле, но где-то там, в районе солнечного сплетения было совершенно пусто. Там, где еще недавно горело, пульсировало, тянуло шесть разноцветных нитей теперь зияла холодная тишина.

Я провела здоровой, незагипсованной рукой по одеялу, нащупала край и сжала его так, что побелели костяшки. Не осталось никаких меток, никакой магии. Только бинты, пластырь и тупая боль в ребрах, которая напоминала о себе при каждом вдохе.

Да, черт возьми, это был сон.

Я почти убедила себя в этом. Почти.

«Сны в коме бывают очень яркими», — сказала медсестра Ирина. Хорошая, усталая женщина с седеющими волосами и теплыми ладонями. Она говорила это трижды за сегодня, каждый раз с разной степенью мягкости, будто я была ребенком, который не хочет признавать, что Санта-Клауса не существует.

Может, она была права.

Может, никакого космоса не было. Ни работорговцев, ни синеккожих существ в клетках, ни корабля с дурацким названием «Темный Клык». Может, все это — галлюцинации моего бедного мозга, который отчаянно пытался развлечь себя, пока тело валялось в отключке.

А что, логично. Шестеро идеальных мужиков, которые хотят одну женщину? Космос, магия и нерушимая связь? Это же классика жанра. Мыльный пузырь для девочки, которая слишком много работала и слишком мало трахалась.

Я горько усмехнулась своим мыслям и повернула голову к окну.

Ноябрьское московское небо серело вдалеке. Голые ветки деревьев за стеклом, где-то внизу — мокрый асфальт и сигналы машин. Родное, знакомое до зубовного скрежета убожество.

«Добро пожаловать в реальность, Саша, — подумала я. — Здесь тебя никто не ждет. Здесь ты просто тридцатилетняя тренерша, которую сбил какой-то мудака на джипе. Здесь нет никаких альф, которые будут спасать тебя от работорговцев. Здесь только ты, больничная койка и долгий-долгий путь восстановления».

Я закрыла глаза.

И сразу же увидела их.

Кейрон — высокий и мускулистый, с длинными черными волосами и янтарными глазами, в которых горела решимость. Даркс — рыжий, молчаливый, с руками, которые могли сломать хребет, но при этом так нежно гладили мою щеку. Грей — в очках, с ироничной усмешкой и вечно взлохмаченными волосами. Вульф — светловолосый ураган, который смеялся громче

всех и любил так, будто завтра не наступит. Шейд — почти призрачный, с глазами, которые видели сквозь время. Блэйд — молчаливый, но от этого не менее чувственный Блэйд, который боялся прикоснуться ко мне, а потом держал так, будто я была единственным, что у него есть.

«Сон, — мысленно приказала я себе. — Просто сон. Открой глаза, Саша. Открой глаза и забудь».

Я открыла глаза.

И увидела их.

Шесть теней в коридоре.

Сначала я подумала, что это галлюцинация. После комы — обычное дело, говорила Ирина. Мозг перезагружается, может выдавать картинки. Но сердце уже забилося быстрее, а в груди — там, где было пусто, — вдруг что-то дрогнуло.

Я замерла.

Коридор за стеклянной стеной палаты был залит холодным больничным светом. Пустые белые стены, кафельный пол, стойка медсестры вдалеке. И в самом конце, у выхода в другую секцию, — они.

Шесть фигур.

Я не видела лиц — они стояли слишком далеко, в полумраке, который начинался там, где заканчивались лампы. Но я узнала их без лиц. По силуэтам. По тому, как они стояли — напряженные, огромные, чужие в этом стерильном пространстве.

По тому, как горели их глаза в темноте.

Золотые. Янтарные. Серебряные.

Они смотрели на меня. Все шестеро.

«Это невозможно, — пронеслось в голове. — Это сон. Это опять сон. Сейчас они растворяются, и я проснусь в своей койке, и Ирина принесет укол, и никто никогда не...»

Тепло в груди стало сильнее.

Не то чтобы я его «почувствовала» — это не было физическим ощущением в привычном смысле. Это было как эхо. Как будто где-то глубоко-глубоко внутри меня замерла струна, и сейчас кто-то очень осторожно провел по ней пальцами.

Струна загудела.

И этот гул отозвался в каждой клетке моего тела.

«Они настоящие».

Я не сказала это вслух. Я вообще не могла говорить — горло пересохло, язык прилип к небу, воздух застрял где-то в груди. Но губы шевельнулись сами собой, беззвучно выдыхая:

— Вы настоящие...

В коридоре что-то изменилось.

Фигуры зашевелились. Они не приближались, но словно подтверждали: да, мы здесь, мы слышим, мы смотрим на тебя.

А потом они начали исчезать.

Глава 2. Симуляция

В какой-то момент в коридоре остались только двое.

Я узнала их даже в полумраке.

Первая фигура была особенно крупной с широкими плечами и длинными волосами, собранными в хвост. Он стоял, чуть скрестив руки на груди, и его янтарные глаза горели сквозь стекло, как два угля.

Кейрон.

Второй стоял чуть позади, в тени. Молчаливый, неподвижный, с повязкой на левом глазу и шрамом, который я помнила на ощупь.

Блэйд.

Они не растворились. Они стояли и смотрели так, будто от меня зависела их жизнь.

Я попыталась встать.

Тело не слушалось. Гипс на правой руке тянул вниз, ребра болели при малейшем движении, голова закружилась сразу, как только я приподнялась на локте. Я ругнулась сквозь зубы — нецензурно, зло, с ненавистью к собственной беспомощности — и снова упала на подушку.

— Черт, — прошептала я. — Черт, черт, черт...

Дверь палаты открылась совершенно бесшумно. Сначала в проеме показалась тень, огромная, закрывшая половину света из коридора, а потом через порог перешагнул Кейрон.

Он был абсолютно реальным.

Сомнений не оставалось. Его фигура не являлась галлюцинацией, сном или картинкой из больного воображения. Я видела каждую складку на его черном пальто, каждую прядь волос, упавшую на лицо. Я чувствовала его запах — тот самый насыщенный древесный. Что-то дикое и одновременно родное.

За ним, едва слышно ступая, вошел Блэйд.

Он был в черном свитере с высоким воротником и таких же черных штанах. Повязка на глазу выделялась на его жестком лице. Он не смотрел на меня. Он смотрел на Кейрона. Ждал знака.

Кейрон сел на край кровати.

Матрас прогнулся под его весом — я физически ощутила, как он наклонился в его сторону. Это было так реально и так обыденно, что у меня перехватило дыхание.

Он взял меня за руку и обхватил мои пальцы своей огромной ладонью, горячей и шершавой, и сжал так осторожно, будто я была стеклянной. А я сидела, глупо смотрела на него и боялась до конца поверить в реальность происходящего.

— Время вышло, Александра, — сказал Кейрон.

Его низкий бархатный голос разреал тишину, и только тогда я позволила себе окончательно перестать сомневаться.

— Нам нужно поговорить.

Я посмотрела на него, а затем перевела взгляд на Блэйда, который замер у двери, как изваяние. Потом снова посмотрела на Кейрона.

В груди снова пульсировало. Та самая струна — она все еще гудела. И, казалось, сейчас я ощущала это даже сильнее.

Я, кажется, даже разозлилась немного, хотя и сама не знала, на что именно. На них? На себя? На то, что они существуют, а значит, все это было правдой? На то, что они вломились в мою палату, в мою больницу, в мою — какого хрена? — реальную жизнь?

Блэйд едва заметно кивнул.

Одним движением головы. Осторожным, словно разрешая мне что-то. Или подтверждая: да, мы здесь, да, это не сон.

Я сжала его руку в ответ.

Сильнее, чем он сжимал мою. Так, что ногти впились в его кожу. Он даже не дрогнул.

— Говорите, — прохрипела я. Голос сел, сорвался где-то на полпути, но я не остановилась. — Говорите, мать вашу. И только попробуйте мне сказать, что это был сон... если вы скажете, что я все это придумала...

Я перевела дыхание. Глаза защипало, но я не заплакала. Нет. Слезы будут потом. Сейчас я хотела понять, что вообще произошло.

Кейрон посмотрел на меня долгим внимательным взглядом и уголок его губ чуть дрогнул в полуулыбке. Кажется, он испытал облегчение, но я не знала, от чего именно.

— Никто не скажет тебе, что это был сон, — ответил он. — Потому что это была не сон.

Он отпустил мою руку, но не отодвинулся. Наоборот — наклонился ближе, так, что я почувствовала тепло его тела через больничную пижаму.

— Все, что ты помнишь, было... почти реальным. Корабль. Клетка. Стая. Связь. — Он замолчал на секунду, и его янтарные глаза потемнели. — Это симуляция.

— Что? — переспросила я. — Какая симуляция?

— Мы поместили твой разум в искусственную среду, — раздался голос сбоку.

Я резко повернула голову.

В дверях, рядом с Блэйдом, стоял Грей.

В белом халате. С планшетом в руках. Все такой же — серебристые волосы, очки на поллица, легкая ироничная усмешка, которую сейчас хотелось стереть с его губ.

Но глаза у него были серьезными.

— Привет, Саша, — сказал он тихо. — Ты уж извини, что так вышло.

Я смотрела на него, на Кейрона, на Блэйда. Потом переводила взгляд на пустой коридор за стеклом, где только что стояли шестеро.

А теперь их не было.

Но они были здесь. В этой палате. В моей реальности.

— Я все равно ничего не понимаю. Объясняйте, — сказала я, и голос мой прозвучал тверже, чем, как казалось, я могу себе позволить. — Объясняйте все. С самого начала.

Кейрон кивнул.

— Начинай, Грей.

И пока Грей делал шаг вперед, включая голограмму на своем планшете, я сидела на больничной койке, сжимая простыню здоровой рукой, и думала только об одном:

«Они настоящие. Все это время они были настоящими. И теперь мне придется с этим жить».

Тепло в груди пульсировало в такт сердцу.

Связь, которая не умерла, тянула меня к ним — ко всем шестерым.

И я не знала, радоваться этому или ненавидеть их за это.

Наверное, и то и другое сразу.

Глава 3. Разбор полетов

Кейрон не отпустил мою руку.

Он вообще, кажется, не собирался этого делать — сидел на краю койки и казался таким огромным в этом маленьком больничном пространстве. Он сжимал мои пальцы так, будто боялся, что я растворюсь в воздухе, как те тени в коридоре.

— Ты была в симуляции, — сказал он.

Я моргнула.

— Ах, ну спасибо огромное! Теперь-то стало намного понятнее.

— Все, что ты помнишь, начиная с того момента, как попала на наш корабль — это была симуляция. Искусственная среда, созданная Греем. Твой разум находился там, а тело все это время лежало здесь.

Я посмотрела на свою загипсованную руку. На капельницу, торчащую из вены. На больничную пижаму с дурацким цветочным принтом.

— То есть, — медленно произнесла я, — меня никто не похищал?

— Похищали, — вмешался Блэйд из своего угла. Голос у него был низкий, хриплый, как будто он не пользовался им годами. — Работоторговцы «Цепи» схватили тебя на парковке в Москве. Мы перехватили их корабль через два часа после похищения. Ты уже была в отключке — они вкололи тебе транквилизатор. И руку ты там сломала.

— И вместо того чтобы отвезти меня домой, вы засунули меня в симуляцию? — Моя бровь поползла вверх.

Кейрон молчал. Блэйд тоже. Грей, который все это время стоял в дверях с планшетом в руках, сделал шаг вперед.

— Ну можно сказать и так. Но это... это нужно было сделать, — сказал он спокойно, будто объяснял на лекции сложную тему. — Симуляция была необходима, чтобы проверить совместимость и создать эмпатическую связь. Без нее ты бы никогда не согласилась на то, что нам нужно.

— На что именно? — Я переводила взгляд с одного на другого. — Вы меня с кем-то перепутали. Я обычный человек. Тренер по кикбоксингу. У меня ипотека и кошка, которую нужно кормить, — зачем-то соврала я.

Наверное я сказала про кошку, чтобы оставить себе мнимый путь для отступления. Ведь какой нормальный человек, и, уж тем более, оборотень, оставит помирать кошку голодной смертью?

— У тебя нет кошки, — спокойно заметил Грей.

Я замерла.

— Что? Откуда вы знаете?

— Мы проверили. У тебя нет кошки. Ты одинокая. Ни парня, ни детей, ни домашних животных. Единственный человек, который заметил бы твое исчезновение — подруга Марина из фитнес-клуба, и та через неделю решила бы, что ты просто уволилась без предупреждения.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

Не потому, что он сказал что-то страшное. А потому, что он сказал правду.

Марина и правда позвонила бы пару раз, а потом отстала. Работа? В моем клубе текучка такая, что новую тренера находят за день. А больше мени и хватиться некому.

Меня никто не ждал.

— Вы проверили, — повторила я, и голос мой прозвучал глухо. — Вы проверили, будет ли кто-то меня искать. То есть я попала в логово к маньякам-психопатам...

— Мы должны были знать, — сказал Кейрон. — Иначе симуляция не имела бы смысла. Это было бы совсем нечестно по отношению к тебе.

Я выдернула руку из его ладони — на этот раз он не сопротивлялся. Откинулась на подушку, уставилась в потолок.

— Расскажите, зачем вам вообще все это нужно, — выдохнула я. — И без этих ваших... недоговорок.

Грей кивнул и подошел ближе. Поставил планшет на тумбочку у кровати и развернул его ко мне экраном. Экран мигнул, и над планшетом повисла голограмма — трехмерная, мерцающая синеватым светом.

Я видела такое в симуляции, а теперь наблюдала и в реальности.

— Планета Аратан, — начал Грей, и голограмма показала шар с фиолетовыми облаками и двумя лунами. — Третья планета в системе Тар-Кан. Население — около миллиарда, из которых женщины составляют едва ли два процента.

— Два процента? — переспросила я. — Это же... как?

— Генетическая мутация, — ответил Грей. — Десять тысяч лет назад на Аратан упал метеорит, который изменил ДНК местных гоминидов. Мужчины остались плодовитыми, а женщины — почти нет. Каждая рожденная девочка — национальное сокровище. Каждая — потенциальная Истинная.

На голограмме появилось изображение женщины. Нечеловеческой женщины — высокая, стройная, с серебристой кожей и огромными глазами без белков. Она была одета в белое, и от нее будто исходило свечение.

— Это — типичная аратанка, — продолжил Грей. — Они сильные, очень долго живут, обладают магическим даром. Именно они правят планетой. Мужчины на Аратане — воины, работники, защитники. Но без Истинной они никто.

— Никто — в юридическом смысле, — добавил Кейрон. — Без привязки к женщине мы не имеем прав. Не можем владеть имуществом, путешествовать между звездами, даже выбирать место жительства. Контроль — правительственный орган Аратана — распределяет таких мужчин по рабочим лагерям, как скот.

— Скот, — повторила я. — Вы серьезно?

— Абсолютно.

Грей переключил голограмму. Теперь на ней появилась группа мужчин в кандалах — огромных, мускулистых, похожих на волков в человеческом обличье. Они стояли на коленях перед женщиной в форме, и лица у них были пустые, сломленные.

— Это — бесправные, — сказал Грей. — Те, кто потерял Истинную или никогда ее не имел. Их разлучают со своими стаями, раскидывают по разным колониям, заставляют работать в шахтах или на военных базах. Иногда они встречаются снова через годы, но чаще — никогда.

Я смотрела на голограмму, и внутри меня что-то сжалось. Не жалость — я не была настолько сентиментальной. Но было жутко слушать про такие реалии чей-то настоящей жизни.

— Поэтому вы сбиваетесь в стаи, — сказала я. — Чтобы...

— Чтобы иметь шанс найти Истинную, — закончил Кейрон. — Стая — это семья. Мы держимся вместе, защищаем друг друга, ищем ту, кто примет нас всех.

— И нашли, — я горько усмехнулась. — Меня.

— Твоя ДНК совпала с нашими метками на девяносто четыре процента, — сказал Грей. — Это очень высокий показатель. Достаточный, чтобы попытаться.

— Попытаться что?

— Создать связь.

Глава 4. И треснул лед

Я пребывала в очередном шоке, а Грей, тем временем, переключил голограмму еще раз. Теперь на ней появился сложный узор — шесть серебряных линий, сходящихся в одну точку. В центре пульсировал золотой шар.

— Истинная связь — это же не просто брак, — объяснял Грей. — Это магическое, эмпатическое, физическое единение. Когда она завершена, мужчина получает доступ к силе женщины, а женщина — к защите мужчины. Но главное — связь дает права. Стая становится легальной. Мы больше не скот. Мы — семья, признанная законом Аратана.

— А если связь не завершена? То, что вы говорили в симуляции было правдой? — спросила я, уже заранее зная ответ.

Грей замолчал. Посмотрел на Кейрона. Тот кивнул — едва заметно, разрешая.

— Как я уже сказал, если Истинная отказывается от стаи или умирает, — продолжал Грей, — мужчины теряют все. Статус, имущество, свободу. Их разлучают и распределяют по лагерям.

Голограмма сменилась. Теперь на ней была женщина — красивая, с серебряными глазами и длинными черными волосами. Совсем не похожая на меня.

— Элиан, — произнес Грей, и в его голосе впервые за весь разговор проскользнула горечь. — Наша Истинная.

— Бывшая истинная, — коротко бросил Кейрон.

— Что случилось? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Ей стало скучно, наверное — ответил Блэйд из своего угла. Голос его был лишен всякого выражения, но я заметила, как побелели костяшки его сжатых кулаков. — Скучно, понимаешь? Вот так кто-то от скуки может просто взять и разрушить нашу жизнь.

— Она нашла другую стаю, — добавил Грей, убирая голограмму. — И разорвала связь. По закону Аратана она имела на это право. Истинная может покинуть стаю когда захочет. А мужчины после этого становятся бесправными.

— Три года мы в бегах, — сказал Кейрон. — Скрываемся от Контроля, спим с оружием под подушкой. Через несколько часов они нас найдут.

— Несколько часов? — переспросила я встревоженно.

Грей посмотрел на часы — наручные, аналоговые, с серебряным браслетом.

— Через четыре часа правительственный крейсер «Надзор-7» будет на стыковке с нашей станцией. Нас арестуют, разлучат, распределят.

— А меня? — спросила я. — Что будет со мной?

— Ты — землянка, — ответил Грей. — Не гражданка Аратана. Контроль не имеет над тобой власти. Тебя, если повезет, оставят в нейтральной зоне.

— Или, если не повезет, снова поймут работорговцы, — добавил Кейрон. — Коракс знает о тебе. Он заплатил за твое похищение. Он не остановится.

Я сидела, сжимая простыню здоровой рукой, и переваривала услышанное.

Симуляция. Аратан. Два процента женщин. Истинная, которая бросила их, потому что «скучно». Контроль через четыре часа.

И я — их единственный шанс.

— Вы засунули меня в симуляцию, — сказала я медленно, — чтобы создать эмоциональную связь. Чтобы я привыкла к вам. Чтобы, когда я проснусь, мне было не все равно.

— Да, — ответил Кейрон без колебаний.

Я посмотрела на него. В его янтарных глазах не было стыда. Только усталая, тяжелая честность.

— Вы меня использовали, — мой голос задрожал — от гнева, а не от слабости. — Вы забрали меня, больную, оглушенную, бросили в искусственный мир и заставили полюбить вас. Вы меня похитили дважды! Вы залезли ко мне в голову!

Я не помнила, как вскочила с кровати. Просто в один момент — гипс, капельница, боль в ребрах, а в следующий — я уже стояла на ногах, шатаюсь, как пьяная, и сжимала подушку так, что трещала ткань.

— Вы, сукины дети, вы... — я размахнулась и швырнула подушку в Кейрона.

Он даже не пошевелился. Подушка ударила его в грудь и упала на пол.

Тогда я потянулась к капельнице. Хотела сорвать ее к чертовой матери, выдернуть иглу из вены, пусть льется кровь, пусть все горит огнем.

Но Блэйд оказался быстрее.

Он молниеносно переместился от стены, перехватил мое запястье — осторожно, но крепко — и вернул руку на место.

— Не надо, — сказал он тихо. — Навредишь себе.

— А мне плевать! — Я попыталась вырваться, но он держал надежно, не причиняя боли, но и не отпуская. — Вы не имели права! Вы не имели права лезть в мою голову, заставлять меня чувствовать... Я не хотела этого! Я не хотела вас чувствовать!

Голос сорвался. Слезы, которые я сдерживала весь день, наконец прорвались.

Я стояла посреди палаты — в дурацкой больничной пижаме, с гипсом на руке, с капельницей, из которой вытекала прозрачная жидкость, и плакала. Зло, громко, без стеснения.

Потому что они были правы.

Потому что я чувствовала их. Каждого. Пульсацию в груди, тепло, связь, которую нельзя было выдумать.

Потому что в симуляции я полюбила их. А здесь, в реальности, ненавидела за это.

— Отпустите меня, — прошептала я, и Блэйд разжал пальцы.

Я села на край кровати — там, где только что сидел Кейрон — и закрыла лицо руками.

Тишина длилась долго. Я слышала свое дыхание, всхлипы, которые не могла остановить, и их молчание — тяжелое, виноватое, бессильное.

Потом в палату вошел Шейд.

Я не видела, как он появился — просто в один момент он уже стоял у изголовья, и его серебряные глаза светились в полумраке.

— Связь уже есть, — сказал он мягко. — Симуляция создала эмпатический мост. Ты чувствуешь нас — мы чувствуем тебя. Это не иллюзия, Саша. Это реальность.

— Я не хочу ее чувствовать, — пробормотала я в ладони.

— Но она уже есть, — повторил он. — И останется. Даже если ты откажешься от нас. Даже если мы умрем.

Я подняла голову.

— Умрете?

— Если связь не завершить физически, — сказал Шейд, — она останется незавершенной. Мы будем чувствовать тебя, но не получим доступа к твоей силе. Контроль не признает такой союз. Нас разлучат. А через несколько лет без истинной пары... волк внутри нас умирает. Мы просто перестаем существовать.

Я смотрела на него, потом на Кейрона, потом на Блэйда.

— То есть вы хотите сказать, — медленно произнесла я, — что я должна переспать с вами всеми еще раз? Только теперь в реальности, а не в симуляции?

— Не просто переспать, — поправил Грей. — Завершить связь. Это ритуал. Добровольный.

— Добровольный, — повторила я. — Вы меня похитили, запихнули в симуляцию, заставили полюбить вас, а теперь говорите о добровольности?

Я вскочила с кровати. Снова — голова закружилась, ноги подкосились, но я удержалась, вцепившись в спинку.

— Если я откажусь — вас разлучат и сошлют на каторгу. А меня отправят к работорговцам. Если соглашусь — вы получите свои права и все будут жить припеваючи. Вот, что вы говорите. Это шантаж. Чистой воды.

Кейрон медленно поднялся с кровати. Выпрямился во весь рост — и палата вдруг стала тесной, будто он заполнил ее собой целиком.

Он шагнул ко мне. Я не отступила.

Он навис надо мной, и мне пришлось задрать голову, чтобы видеть его лицо.

— Мы не шантажируем, — сказал он низко. — Мы предлагаем сделку.

— Какую к черту сделку? — прошипела я.

— Ты даешь нам права. Становишься нашей Истинной. А мы даем тебе защиту. Дом. Возможность путешествовать по галактике. Мы никогда не прикоснемся к тебе без твоего желания. Никогда не сделаем больно. Никогда не оставим. Мы просим нас спасти.

Даркс стоял в углу, в тени, молчаливый и неподвижный. Он не говорил ни слова с тех пор, как я проснулась. Он просто смотрел на меня — теми же глазами, что и в симуляции. Теплыми, внимательными, спокойными. Я смотрела в его глаза — янтарные, уставшие, беззащитные в своей правоте. И ненавидела его за эту открытость.

Потом перевела взгляд на остальных.

Грей стоял у двери, сцепив пальцы за спиной. Его лицо было спокойным — слишком спокойным для человека, которого должны разлучить с семьей через четыре часа.

Блэйд замер у стены, и его единственный глаз смотрел в пол. Он не просил. Он не требовал. Он просто ждал — как человек, который привык, что жизнь не дает ему второго шанса. Шейд чуть улыбнулся — грустно, понимающе — и опустил серебряные глаза.

И Даркс.

В симуляции он первым пришел ко мне. Он держал меня, когда я плакала. Он сказал «спасибо» за то, что я выбрала его.

Сейчас он не просил ничего. Но я видела, как он сжимает кулаки.

Я смотрела на него, и стена внутри меня начала трещать.

— Дайте мне подумать, — сказала я, отводя взгляд.

Кейрон кивнул.

— У нас несколько часов, — сказал он. — Потом Контроль.

Они вышли все, кроме Даркса.

Даркс остался.

Он подошел к кровати, сел на край — туда, где только что сидел Кейрон. Помолчал. Потом протянул руку и очень осторожно убрал прядь волос с моего лица.

— Я не прошу, — сказал он тихо. — Я просто хочу немного побыть рядом.

Я посмотрела на него. В его карих глазах не было давления — только тихая, спокойная уверенность.

— Ты был первым, — прошептала я. — В симуляции.

— Знаю.

— Тебя я... — я запнулась. — С тобой мне было очень легко.

Он кивнул.

— Я не хочу тебя терять, — вырвалось у меня. — Вас всех. Я не хочу, чтобы вас разлучили. Я не хочу, чтобы вы умерли. Но я не хочу и быть вашей марионеткой.

— Ты и не будешь, — сказал он. — Кейрон сказал правду — мы никогда не тронем тебя без твоего желания.

— А если у меня никогда не будет желания? — спросила я.

Он помолчал.

— Тогда мы просто будем рядом.

Я смотрела на него и не знала — верить или нет.

Четыре часа.

У меня было четыре часа, чтобы решить судьбу шестерых мужчин, которых я полюбила в искусственном мире и ненавидела за их поступок в реальном.

И, черт возьми, я понятия не имела, что делать.

Глава 5. Нет выхода

Они оставили меня одну.

Даркс ушел последним — молча, не оглядываясь, но перед тем как закрыть дверь, задержался на секунду, и я заметила, как напряглись его широкие плечи. Он не хотел уходить, но знал, что мне нужно побыть одной.

Я сидела на кровати, обхватив колени здоровой рукой, и смотрела в белую стену медблока. В голове было пусто. Не то чтобы я не думала — мыслей было так много, что они слились в один сплошной белый шум, похожий на помехи на экране старого телевизора.

Симуляция. Аратан. Два процента женщин. Истинная. Контроль через четыре часа.

Слова крутились, как пластинка, заевшая на одной и той же ноте.

Я подняла левую руку и посмотрела на запястье — туда, где в симуляции горела медно-красная метка Вульфа. Кожа была чистой. Ни следа, ни намек на узор. Только бледная венозная сетка и мелкие царапины — наверное, зацепилась обо что-то, когда меня тащили работорговцы. Или когда меня доставляли в больницу...

В больницу. Я усмехнулась этой мысли. Ага, конечно. Какая больница.

Осторожно, стараясь не задеть капельницу, я спустила ноги с кровати и коснулась ступнями холодного кафельного пола. Голова закружилась сразу же — слишком резко встала, слишком долго лежала. Я посидела секунду, привыкая к вертикальному положению, потом поднялась.

Капельница покатила за мной на колесиках — пластиковая стойка, легкая, почти невесомая. Я отцепила ее от кровати и, придерживаясь за стену, двинулась к двери.

Коридор встретил меня все тем же холодным светом. Белые стены, кафельный пол. Никаких табличек или стендов о профилактике гриппа — только металл и пластик. Корабль. Я знала это теперь.

Я сделала несколько шагов. Потом еще несколько.

Коридор закончился, и я уперлась в дверь из матового стекла. Толкнула ее здоровой рукой.

И замерла.

Там, за дверью, был иллюминатор. Огромный, во всю стену, со скошенными углами — такой же, как на корабле в симуляции. За ним простиралось черное, усыпанное звездами пространство. Никакой Москвы. Никакого неба. Только космос — холодный, бесконечный, молчаливый. И вдалеке — огромная красноватая планета с полосами облаков.

Ноги подкосились. Я прислонилась к косяку, вцепилась в него здоровой рукой. Капельница со стуком ударила о стену и замерла.

— Черт, — выдохнула я. — Черт, черт, черт.

— Я знал, что ты захочешь посмотреть.

Я обернулась.

В дверях, ведущих обратно в коридор, стоял Даркс. Прислонился плечом к косяку, сложил руки на груди. Смотрел на меня своими карими глазами — спокойно, тепло.

— Ты следил за мной? — спросила я.

— Присматривал, — поправил он. — Ты еще слаба.

Он был прав. Ноги дрожали. Лоб покрылся испариной. Дышать становилось все труднее. Но я не собиралась это признавать.

Я посмотрела на звезды за иллюминатором, потом снова на него.

— Почему вы не сказали сразу? Когда я очнулась? Я думала... я не знала, где я.

— Ты была в шоке, — ответил Даркс. — Кейрон решил, что так будет лучше. Медблок, койка, капельница — привычная обстановка. Чтобы ты не паниковала.

— Чтобы я не паниковала, — повторила я с горечью. — Вы меня похитили, засунули в симуляцию, а потом просто положили в медблок и ждали, пока я очухаюсь. И это вы называете «лучше»?

Даркс молчал.

Я отвернулась к иллюминатору. Звезды мерцали — настоящие, живые, холодные. Они напоминали мне о том, где я на самом деле. Не в Москве, и даже не на Земле. В глубоком космосе, на корабле шестерых мужчин-оборотней, которые считали меня своим единственным шансом.

— И, конечно, ты тоже участвовал в этом плане? — спросила я, не оборачиваясь.

— Да.

Я сжала здоровую руку в кулак. Ногти впились в ладонь. Острая боль помогла не сорваться.

— Тебе хоть жаль, что вы так обошлись со мной?

Вопрос повис в тишине. Даркс не отвечал так долго, что я уже решила — он ушел. Потом я услышала его шаги — тяжелые, медленные. Он подошел и встал рядом, у самого иллюминатора. Я видела его отражение в стекле.

— Я бы не сказал, что жалею, — сказал он наконец.

Я повернулась к нему.

— Почему?

Он посмотрел на меня сверху вниз. Спокойным ровным взглядом без тени сомнения.

— Потому что ты невероятная.

В этом слове было все. Не «потому что твоя ДНК подошла». Не «потому что ты нужна нам для прав». А просто — «ты невероятная».

Я хотела рассмеяться ему в лицо. Сказать, что это не ответ. Что он не знает меня настоящую — только ту, что была в симуляции.

Но вместо этого я спросила:

— А если бы я оказалась не той? Если в реальности я совсем другая? Если я откажусь, в конце концов?

Даркс наклонил голову, будто обдумывая вопрос.

— Не думаю, что ты откажешься..

— Ты не можешь этого знать.

— Могу, — ответил он. И в его голосе прозвучала такая уверенность, что спорить не хотелось. — Я чувствую.

Мы стояли у иллюминатора, глядя друг на друга. И я поняла, что больше не злюсь. Не на него, по крайней мере. На остальных может быть совсем немного. Но на Даркса — нет. С ним было легко даже здесь, в этой абсурдной реальности, где вместо Москвы были звезды и металл космического корабля.

Глава 6. Условия

Голос Грея разнесся по коридору — спокойный, деловой, без эмоций.

— Внимание всем. Правительственный крейсер «Надзор-7» вышел на финальную траекторию сближения. Время до стыковки — четыре часа двадцать три минуты. Кейрон, Саша должна принять решение.

Я вздрогнула.

— Он всегда такой любезный? — спросила я.

— Он просто напоминает, — ответил Даркс. — Время идет.

Я посмотрела на звезды, потом на него.

— Где остальные?

— В общей комнате. Ждут.

Я выпрямилась, одернула больничную пижаму, поправила капельницу.

— Тогда веди.

Мы прошли по коридору молча. Даркс шел чуть впереди — широкий, уверенный. Иногда оборачивался — проверить, не отстала ли я, не шатаюсь ли. Я не отставала. Пусть у них будет все — корабль, космос, магия, чертова связь. Но пусть они хотя бы видят, что я не сломленная жертва, которую привезли к алтарю на веревочке.

Общая комната оказалась той самой — я узнала ее по симуляции. Мягкие диваны, низкий стол, стены с тусклой подсветкой, огромный иллюминатор в торце, за которым проплывали звезды.

Они сидели в разных концах, но когда я вошла, все шестеро повернулись ко мне — и я почувствовала, как тепло в груди разлилось сильнее.

Кейрон стоял у иллюминатора, скрестив руки на груди. Грей сидел на диване с планшетом. Вульф нервно расхаживал вдоль стены. Блэйд замер в углу, как тень. Шейд — в кресле, положив руки на колени, с закрытыми глазами. Даркс прошел на свое место — у стены, рядом с Блэйдом — и опустился на пол, прислонившись спиной к металлу.

Я стояла в центре. И все они смотрели на меня.

Четыре часа двадцать минут.

— Садись, — сказал Кейрон, кивнув на диван. — Ты еще слаба.

— Я не слаба, — ответила я, но села. Потому что ноги и правда подкашивались.

Я обвела их взглядом. Каждого. Долго, внимательно. Пытаясь увидеть не героев из симуляции, а настоящих — уставших, отчаявшихся, загнанных в угол.

— Я приняла решение, — сказала я.

В комнате стало тихо. Даже Вульф замер.

— Я сделаю это, — продолжила я. — Завершу связь. Стану вашей Истинной.

Кейрон выдохнул — так, будто не дышал последние несколько минут. Грей опустил планшет. Вульф расплылся в улыбке, но тут же спохватился и снова стал серьезным. Шейд открыл глаза — серебряные, светящиеся, — и кивнул. Блэйд не шелохнулся, но его единственный глаз теперь смотрел более доброжелательно.

Даркс просто внимательно наблюдал за мной. И я знала — он верит моим словам.

— Но на моих условиях, — добавила я.

Кейрон сделал шаг вперед.

— Какие будут условия у тебя?

Я поднялась с дивана — медленно, опираясь на подлокотник — и встала перед ним. Гипсовая рука висела плетью, капельница торчала из вены, пижама сидела мешком. Я выглядела жалко. Но говорила так, будто вершила судьбы мира.

— Первое, — загибая палец здоровой руки. — Я не ваша рабыня и не домашнее животное. Не вещь, которую можно поставить на полку. Я говорю «нет» — вы останавливаетесь. Без вопросов. Без «но». Без «ты же наша истинная».

Кейрон кивнул.

— Принято.

— Второе. Я хочу знать все. Об Аратане, о ваших законах, о Контроле. Никаких секретов.

— Справедливо, — сказал Грей. — Я подготовлю досье.

— Третье. Я хочу иметь возможность уйти. Если я пойму, что не могу с вами жить — что эта связь меня убивает, что я задыхаюсь — вы меня отпустите. Без скандалов. Без попыток вернуть. Просто отпустите.

Повисла тишина. Более напряженная, чем прежде.

Кейрон сжал челюсти. Вульф перестал улыбаться. Грей поправил очки — жест, который я уже знала: он нервничал.

— Это сложное условие, — сказал Кейрон.

— Оно не обсуждается, — ответила я. — Я не хочу оказаться в клетке. Ни в металлической, ни в золотой. Я хочу знать, что у меня есть выход. Даже если я никогда им не воспользуюсь.

Кейрон смотрел на меня долго. Так долго, что я почти отвела взгляд.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Если ты захочешь уйти — мы тебя отпустим. Клянись своей стаей.

— И я, — сказал Вульф.

— И я, — добавил Грей.

Шейд кивнул.

Блэйд ничего не сказал, но я видела — он согласен.

Даркс — молча, как всегда — просто встретил мой взгляд и чуть наклонил голову.

Я выдохнула.

Четвертое условие. Я отвела глаза, чувствуя, как к лицу приливает жар.

— Метки, — сказала я, не глядя на них. — В симуляции они были красивыми. Изящными. Я хочу, чтобы и в реальности они были такими же красивыми.

Тишина. А потом — тихий смех Вульфа.

— Она сказала «красивыми», — повторил он. В его голосе слышалось удивление и обожание одновременно.

— Заткнись, — буркнула я, чувствуя, как краснею еще сильнее.

— Это не проблема, — серьезно сказал Шейд. — Метка отражает суть связи. Если ты чувствуешь нас — они будут красивыми.

Я кивнула, все еще не поднимая глаз.

Кейрон шагнул ко мне.

— Это все условия?

— Все.

Он протянул мне свою огромную руку с тонкими белыми шрамами на костяшках.

— Тогда мы принимаем их. От имени стаи.

Я посмотрела на его руку. Потом на него.

— Без рукопожатий, — сказала я. — Это не сделка. Это... я не знаю, что это. Но не сделка.

Он опустил руку.

— Хорошо.

Я обвела взглядом всех шестерых. Кейрона — серьезного, сосредоточенного. Грея — спокойного, выжидающего. Вульфа — сияющего, как начищенный самовар. Шейда — отре-

шенного, но внимательного. Блэйда — неподвижного, с чуть расслабившимися плечами. Даркса — теплого, спокойного, надежного.

— Тогда поехали, — сказала я. В голосе прорезался вызов. — Только предупреждаю сразу: если кто-то из вас сделает мне больно — неважно, случайно или нарочно — я отучу его размножаться. Кикбоксинг, три года. Я знаю, куда бить.

Вульф рассмеялся в голос.

— Я в нее влюблен, — объявил он всем присутствующим.

— Заткнись, Вульф, — сказали мы с Кейроном почти одновременно.

Я посмотрела на него — и уголок его губ чуть дрогнул.

Тепло в груди пульсировало все сильнее. Связь, которая началась в симуляции, теперь ждала завершения здесь — в реальности.

Четыре часа.

Нас было семеро.

И это только начало.

Глава 7. Первая в реальности

После разговора в общей комнате меня проводили в каюту, которую Грей назвал «гостевой». На деле она оказалась точной копией той, что была в симуляции — та же кровать, тот же иллюминатор, те же тусклые светильники на стенах.

Я осталась одна.

Капельницу сняли — Грей сказал, что она больше не нужна, потому что мои показатели пришли в норму. Гипс сняли, но тугую повязку пока оставили — правая рука все еще болела, хотя, по словам того же Грея, кости срастались с неестественной скоростью. «Связь ускоряет регенерацию», — пояснил он, будто это было самое обычное дело в мире.

Я сидела на кровати, поджав под себя ноги, и смотрела на звезды за иллюминатором. Время шло. Я чувствовала его каждой клеткой — неумолимое, быстрое, почти осязаемое.

Три с половиной часа до прилета Контроля.

Три с половиной часа, чтобы завершить связь с шестью мужчинами.

Я думала о Дарксе.

О том, как в симуляции он вошел в мою клетку первым. Как смотрел на меня своими спокойными карими глазами. Как не сказал ни слова, а просто сел рядом и дал мне время привыкнуть.

Он не давил. Не требовал. Не рычал, как Вульф, и не смотрел свысока, как Кейрон. Он просто был рядом — огромный, молчаливый, надежный, как скала.

В симуляции я выбрала его первым, потому что он казался самым безопасным. Потому что с ним не нужно было ничего доказывать. Потому что он принимал меня такой, какая я есть, без попыток переделать или подчинить.

Сейчас, в реальности, я снова хотела выбрать его.

Не потому, что он был самым безопасным — теперь я понимала, что эта безопасность иллюзорна. Даркс был таким же хищником, как и остальные; просто его хищность была тихой, скрытой под слоем спокойствия. Я выбирала его потому, что мне понравилось, когда он был первым. Кажется, я чувствовала к нему что-то, чего не чувствовала к остальным. Что-то теплое, спокойное, почти домашнее.

Я встала с кровати и вышла в коридор.

Корабль жил своей жизнью — где-то гудели двигатели, где-то потрескивали вентиляционные решетки, воздух пах озоном и металлом. Я шла босиком по холодному полу, и каждый шаг отдавался в груди эхом.

Кабюта Даркса была в конце того же коридора, что и моя. Я помнила это по симуляции — точное расположение, массивную дверь с символами на поверхности. В реальности дверь оказалась точно такой же.

Я постучала.

Он открыл почти сразу — будто стоял у двери и ждал.

На нем были только свободные штаны, низко сидящие на бедрах. Торс обнажен. Шрамы — те самые, которые я помнила на ощупь — пересекали его грудь, плечи, живот. Один, длинный и серебристый, тянулся от ключицы до самого пупка.

Даркс смотрел на меня сверху вниз, и его карие глаза были спокойными. Он не спрашивал, зачем я пришла. Он знал.

— Можно войти? — спросила я.

Он шагнул в сторону, пропуская меня.

Кабюта была такой же аскетичной, как и в симуляции. Широкая кровать, аккуратно застеленная серым покрывалом, стол с голографическим экраном, на стенах — странные орудия и

артефакты. И запах. Тот самый, который я помнила: грубая кожа, влажная земля, хвоя и под всем этим — горьковатая металлическая нота, его личная, родная.

Я обернулась. Даркс закрыл дверь и замер в трех шагах от меня. Не приближался. Не торопил.

— Ты был рад? — спросила я. — Что в симуляции я выбрала тебя первым?

Он покачал головой.

— Я был счастлив.

— Счастлив?

— Ты пришла ко мне. Не к Кейрону, не к Вульффу. Ко мне. Это... много значило.

Я смотрела на него и видела — он говорил правду. В его глазах не было ни тени лести или расчета. Только тихая, спокойная благодарность.

— Ты был первым в симуляции, — сказала я. — Я хочу, чтобы ты был первым и здесь.

Он не ответил. Просто шагнул вперед, и я вдруг оказалась в его тени — огромной, закрывшей собой тусклый свет.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет, — честно ответила я. — Но я уверена, что хочу тебя. Прямо сейчас.

Он кивнул и медленно опустился на пол, прислонившись спиной к кровати. Вытянул ноги и похлопал ладонью по полу рядом с собой.

— Иди сюда.

Я подошла. Села рядом — сначала на колени, потом, помедлив, устроилась у него между ног, спиной к его груди. Он обхватил меня руками, притянул ближе, и я почувствовала, как его дыхание касается моей макушки.

— Не торопись, — сказал он тихо. — Мы никуда не спешим.

— У нас три часа, — напомнила я.

— Успеем.

Его руки лежали на моем животе — теплые, тяжелые, удивительно нежные. Я накрыла их своей здоровой рукой, переплела пальцы.

— В симуляции ты тоже не торопился, — сказала я.

— Потому что я хотел, чтобы тебе было хорошо.

— А сейчас?

Он чуть наклонился, и его губы коснулись моего виска.

— Сейчас я хочу того же.

Я повернулась к нему — неудобно, изворачиваясь в его руках — и посмотрела в глаза. Карие, спокойные, без намека на давление или властность.

— Я буду вести, — сказала я.

— Хорошо.

— Если я скажу «стоп» — ты остановишься.

— Остановлюсь.

— Если я скажу «быстрее» — ты...

— Я сделаю так, как ты скажешь, — закончил он за меня.

Я кивнула и потянулась к его лицу.

Поцелуй вышел неуклюжим. Кажется, я все еще не до конца примирилась с реальностью. Мои губы нащупывали его губы, я закрыла глаза.

Даркс не форсировал события. Его руки лежали на моей талии, не сжимая, не торопя, просто поддерживая. Позволяя мне делать то, что я хочу.

Я отстранилась первой. Посмотрела на него — на шрамы, очерченную линию скул, на родинку над левой ключицей, которую заметила еще в симуляции.

— Сниму футболку.. — я запнулась, ощущая легкую неловкость.

Он улыбнулся — едва заметно, краешками губ.

— Не торопись.

Я придвинулась ближе, провела пальцами по его груди — там, где шрам был особенно толстым и узловатым.

— Это больно? — спросила я.

— Было.

— А сейчас?

— Сейчас, когда его касаешься ты, это приятно.

Я обвела шрам пальцем — от ключицы до пупка. Кожа под пальцами была горячей, гладкой на ощупь, несмотря на неровный рубец. Даркс дышал ровно, но я чувствовала, как под моей ладонью бьется его сердце — чаще, чем должно биться в спокойном состоянии.

Я наклонилась и поцеловала шрам — сначала в верхней точке, у ключицы, потом чуть ниже, потом еще ниже. Даркс выдохнул — тихо, сквозь зубы.

— Саша...

— Я сказала — я веду, — пробормотала я, не поднимая головы.

Он замолчал.

Глава 8. Дважды первый

Я целовала его шрамы — один за другим, не торопясь, будто заново изучая каждую неровность, каждый рубец. Некоторые были старыми, почти белыми, другие — свежими, розовыми, еще не успевшими как следует зажить. Я думала о том, что каждое из этих повреждений он получил, защищая свою стаю. Что каждая отметина — это чья-то попытка его убить, с которой он справился.

Я целовала его и чувствовала, как внутри меня разгорается жар — медленный, тягучий, непохожий на тот, что был в симуляции. Там все происходило быстрее, резче, с налетом искусственности. Здесь же каждое прикосновение было весомым, настоящим, до глубины души завораживающим.

Когда я подняла голову, Даркс смотрел на меня с выражением, которое я не могла прочитать.

— Что? — спросила я.

— Ты целуешь мои шрамы, — сказал он. — Никто никогда их не целовал.

— Тогда то, что я сделаю дальше, сведет тебя с ума...

Я потянулась к поясу его штанов. Он не помогал, но и не мешал. Его руки по-прежнему лежали на моей талии, и я чувствовала, как напряглись его пальцы — он сдерживался из последних сил.

— Ты можешь дышать, — в шутку сказала я, расстегивая пуговицу. — Я не запрещаю.

— Я знаю.

— Тогда почему ты...

— Потому что если я расслаблюсь, — перебил он, и его голос стал ниже, хриплее, — я не смогу остановиться. А я обещал, что ты ведешь.

Я посмотрела на него. На его скулы, заострившиеся от напряжения. На жилку, бьющуюся на шее. На глаза, которые потемнели и стали почти черными.

— Я справлюсь, — сказала я.

Он кивнул — и в следующую секунду его хватка на моей талии стала жестче.

Я стянула с него штаны, потом белье. Он помог — приподнял бедра, позволяя мне освободить его от лишней ткани. И вот он лежал передо мной — огромный, сильный, покрытый шрамами, с тяжелым прерывистым дыханием и глазами, в которых горел золотой огонь.

Я села на него сверху.

Он не торопил. Не направлял. Просто смотрел — снизу вверх, с таким выражением, будто я была единственным, что имело значение в этом мире.

Я опустилась медленно, чувствуя его каждой клеточкой своего тела. Даркс замер. Я замерла. Воздух в каюте стал густым, почти осязаемым.

— Хорошо? — прошептал он.

— Хорошо, — выдохнула я.

И начала двигаться.

Сначала плавно, раскачивая бедрами, привыкая к нему и к тому, как его пальцы впиваются в мою талию, помогая удерживать ритм. Я смотрела на его лицо — и видела, как он борется с собой, как сдерживает желание перехватить контроль, как его челюсти сжимаются от усилия.

— Ты можешь... — начала я.

— Нет, — перебил он. — Ты ведешь.

Я ускорила. Ритм стал резче, движения — отрывистее. Даркс стонал — глухо, сдержанно, но я слышала эти звуки, и они подстегивали меня, заставляли двигаться быстрее, жестче, безрассуднее.

Правая рука чуть мешала, но я приспособилась — опиралась на левую, водила ею по его груди, животу, бедрам. Он был горячим — невыносимо горячим, словно под кожей у него горел огонь.

В какой-то момент я потеряла контроль.

Это случилось внезапно — ритм сбился, движения стали хаотичными, и я почувствовала, как внутри меня начинает закручиваться тугий узел. Даркс почувствовал это раньше меня — его руки скользнули по моей спине, притягивая ближе, его бедра подались навстречу.

— Сейчас, — прошептал он. — Сейчас, Саша.

Я вскрикнула — негромко, прерывисто, уткнувшись лицом ему в плечо.

Волна накрыла меня с головой, заставив тело выгнуться, пальцы впиться в его кожу, зубы — в его плечо. Даркс зарычал — низко, раскатисто, и я почувствовала, как он сжимает меня в объятиях так сильно, что трещат кости.

А потом случилась вспышка.

Я увидела ее даже с закрытыми глазами — серебряную, яркую, почти ослепительную. Она вспыхнула на моем правом плече, там, где в симуляции была первая метка, и разлилась по коже жидким теплом.

Даркс наклонился и прикусил это место — не больно, но ощутимо, оставляя следы зубов на светящемся узоре.

Метка замерцала, пульсируя в такт моему сердцу, и я почувствовала, как что-то шелкает у меня в груди. Связь замкнулась.

Теперь я чувствовала его не просто теплом или пульсацией. Я чувствовала его эмоции — тихое, глубокое счастье, смешанное с облегчением и нежностью. Я чувствовала его усталость, его боль, его надежду. Все это хлынуло в меня, заполняя как пустой сосуд.

Мы лежали на полу — он на спине, я на его груди, укрытая его руками, как одеялом. Метка на плече светилась тускло, но тепло от нее расходилось по всему телу.

Я подняла голову и посмотрела на него. Даркс смотрел в потолок, и его лицо было ослабленным — впервые с тех пор, как я его увидела в реальности.

— Это не сон, — тихо сказала я.

— Нет, — ответил он.

— Теперь я чувствую тебя.

— И я тебя.

Я провела пальцами по метке — она была теплой, гладкой, словно серебряная нить, вплетенная в кожу.

— Она красивая, — сказала я.

— Как ты.

Я хотела фыркнуть — я терпеть не могла комплименты, особенно такие, банальные, — но в его голосе не было наигранности. Только тихая, спокойная уверенность.

Я прижалась щекой к его груди, слушая, как бьется его сердце.

Пять осталось.

Я закрыла глаза и представила их — Кейрона, Грея, Вульфа, Шейда, Блэйда. Пять пар глаз, пять пар рук, пять мужчин, которые ждали своей очереди.

У нас было три часа. Или меньше. Грей сказал — четыре, но часы тикали, а мы даже не начали.

— Мы не успеем, — прошептала я. — Четыре часа на шестерых — это...

— Успеем, — сказал Даркс. — Если не будем тратить время на сантименты.

— То есть на такие, как сейчас? — уточнила я.

Он помолчал.

— Такие, как сейчас, не трата времени.

Я улыбнулась — сама не заметила как.

— Тебе легко говорить. Ты уже получил свое.

Я поднялась — нехотя, чувствуя, как каждая мышца протестует против движения. Тело ломило, голова кружилась, но внутри пульсировало странное, почти болезненное возбуждение.

Остальные пятеро ждали.

— Мне нужно идти, — сказала я, натягивая больничную пижаму.

— Знаю.

— Ты не ревнуешь? — спросила я, обернувшись у двери.

Даркс все еще лежал на полу, приподнявшись на локте, и его метка на моем плече горела в такт его дыханию.

— Нет, — ответил он. — Потому что ты вернешься ко мне. Ко всем нам.

Я вышла в коридор и прислонилась спиной к закрытой двери.

Пять осталось.

Я посмотрела на звезды за иллюминатором в конце коридора.

Четыре часа на все про все — это смешно. Нереально. Почти невозможно.

Но, черт возьми, я попробую.

Я выпрямилась, одернула пижаму — и пошла искать следующего.

Глава 9. Никаких глупостей

Я вышла от Даркса с горячей меткой на плече и с чувством, что внутри меня включился какой-то новый мотор. Ноги дрожали, внизу живота пульсировало, но голова была странно ясной — такой ясной, будто кто-то проветрил помещение, в котором я просидела взаперти годами. Я знала, что делать дальше. Знала, к кому идти. Знала, что времени почти нет, но это знание почему-то не пугало, а подстегивало.

Коридоры корабля тянулись бесконечной чередой — серые, металлические, с тусклыми лампами под потолком, которые мигали в такт работе двигателей. Я шла по ним босиком, ступая на холодный рифленый пол, и старалась не думать о том, что времени остается все меньше. Часы, которых я не видела, тикали в моей голове с неумолимой точностью — тик-так, тик-так, и каждый удар отзывался где-то в груди, в районе той самой пульсирующей связи.

Грей.

Он был следующим. Не потому что я его любила — я вообще не была уверена, что люблю кого-то из них в привычном понимании этого слова. С Дарксом было легко, потому что он не требовал ответов. С Вульфом — весело, потому что он сам был как ребенок, которому дали самую классную игрушку. С Греем... с Греем было по-другому. Он был следующим, потому что с ним было легко говорить. Потому что он не лез с нежностями, не рычал, не смотрел голодными глазами, как будто собирался сожрать меня целиком. Потому что он был умным, а умные люди реже совершают глупости — и я надеялась, что эта закономерность сработает и сейчас.

Медблок я нашла без труда — не потому, что помнила расположение — хотя и его тоже —, а потому, что в коридоре рядом с ним всегда висело облако специфического запаха: стерильность, озон, чуть сладковатый аромат медицинских гелей и что-то еще, неуловимое, напоминающее о больницах и операционных. Дверь была приоткрыта, и я заглянула внутрь.

Грей стоял у панели управления, склонившись над голографическим экраном. Его пальцы бегали по светящимся символам — быстро, уверенно, без единой заминки, — что-то настраивали, калибровали, проверяли. Он всегда был таким: когда вокруг кипели страсти, он закапывался в данные. Когда Вульф рычал от ревности, Грей поправлял очки и включал голограмму. Когда Блэйд молча страдал в углу, Грей что-то высчитывал на своем планшете. Мир для него был задачей, и он решал ее по кусочкам.

На нем был тот же белый халат, что и в медблоке, когда я очнулась, но под ним я заметила темную футболку и джинсы — обычные, почти земные. Очки съехали на кончик носа, и он поправил их привычным жестом, даже не обернувшись.

— Я знал, что ты придешь, — сказал он, не отрываясь от экрана.

— Не сомневаюсь, — ответила я, входя и прикрывая за собой дверь. — Ты всегда все знаешь. Это твоя основная работа.

Он отключил голограмму и медленно повернулся ко мне. Серые глаза за стеклами очков смотрели внимательно, изучающе, но без того голода, который я видела у Вульфа, и без той тяжелой, давящей страсти, которая исходила от Кейрона. Грей всегда был другим — отстраненным, немного холодным, чуть насмешливым. Таким, от которого не знаешь, чего ждать.

— Ты пришла ко мне сразу после Даркса, — сказал он. — Почему?

— Потому что решила, что ты будешь следующим.

— Это не ответ. — Он чуть наклонил голову, и свет ламп блеснул на стеклах очков. — Даркс — первый. Вульф — третий. Шейд — четвертый. Блэйд — пятый. Кейрон — шестой. А я — второй. Почему?

Я подошла ближе. Встала напротив, глядя снизу вверх — он все же был выше меня почти на голову, и в этом была своя, особенная динамика.

— Ты следующий, — повторила я, чеканя слова, — Потому что ты умный и, надеюсь, с тобой все будет спокойно, без глупостей.

Грей улыбнулся — той самой ироничной улыбкой, которую я помнила по симуляции. В ней не было тепла, но не было и холода. Она была точной, как скальпель.

— Глупости — это к Вульффу, — сказал он. — Я предпочитаю осмысленные действия.

— Тогда приступай к осмысленным действиям.

Он снял очки.

Без них его лицо стало другим — более открытым, менее защищенным. Серые глаза оказались светлее, чем я думала, почти прозрачными, и в них не было ни холода, ни насмешки. Только усталость — глубокая, давняя, ввевшаяся в кожу, — и что-то еще, что я не могла сразу определить. Может быть, надежда? Может быть, страх? С Греем никогда не знаешь наверняка.

— Садись, — сказал он, кивнув на кушетку в углу медблока. — Или ляг. Как удобнее.

— Ты всегда такой романтичный?

— Я всегда такой практичный.

Я села на край кушетки — пластик прогнулся под моим весом, и из-под него раздался тихий скрип. Грей опустился рядом — не вплотную, оставляя расстояние, которое я могла сократить или увеличить по своему желанию. Он не давил. Он никогда не давил. Он ждал, когда подойдут.

— Ты боишься? — спросил он.

— Нет.

— Врешь.

— Немного, — призналась я, потому что врать ему было бесполезно. — Но не тебя. Я вообще тебя не боюсь. А того, что будет после всего этого.

— После ничего не изменится, — сказал он. — Ты останешься собой. Мы останемся собой. Просто между нами будет нечто большее, чем сейчас. Мост, по которому можно ходить в обе стороны.

— Это звучит как угроза.

— Брось. — Он чуть улыбнулся. — Скорее, как надежда.

Я посмотрела на него. На его руки, сложенные на коленях — длинные пальцы, чистая кожа, никаких шрамов, в отличие от Даркса или Блэйда. Грей был самым «человечным» из них, самым гладким, самым цивилизованным. И от этого к нему было труднее привыкнуть. С Дарксом я знала, чего ждать — молчаливой силы. С Вульфмом — урагана. А с Греем...

— Ты когда-нибудь был с человеком? — спросила я.

— Нет.

— Никогда?

— Аратан — закрытая планета. Мы редко контактируем с другими расами, а с землянами — почти никогда. Ты — первая. В каком-то смысле, для меня все это тоже в новинку.

— А как у вас все было с прошлой Истинной? — спросила я, и сама удивилась, почему мне вдруг захотелось об этом спросить. Может быть, потому что я хотела понять, чего мне ждать. Может быть, потому что я хотела понять, чем я отличаюсь от нее.

Грей помолчал. Долго. Так долго, что я уже решила — не ответит.

— Элиан была аратанкой, — сказал он наконец. — С ней все было... по-другому.

— В каком смысле?

Он снова помолчал, подбирая слова. Я видела, как он мысленно перебирает варианты, отбрасывает одни, примеряет другие. С Греем каждое слово было взвешено.

— Она не задавала вопросов, — сказал он. — Не сомневалась. Не торговалась. Для нее связь была данностью, а не выбором. Она приняла нас — и все. Без разговоров, без условий, без торгов. Мы были для нее инструментом.

— И ты? — спросила я. — Кем ты для нее был?

Он посмотрел на меня — тем самым прозрачным, усталым взглядом.

— Тоже инструментом, — ответил он. — Я отвечал за технологии, за информацию, за стратегию. Она ценила мою голову. И не замечала всего остального.

— А ты хотел, чтобы замечала?

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, да. Но сейчас это не важно.

Я протянула руку и коснулась его щеки. Кожа была гладкой, теплой, с легкой щетиной, которая колола подушечки пальцев. Он не отстранился, не замер — просто смотрел на меня.

— Ты — другая, — сказал он. — Ты задаешь вопросы. Ты сомневаешься. Ты торгуешься, плачешь и смеешься. Ты умеешь чувствовать так тонко... Для меня это... непривычно.

— В этом есть что-то плохое?

— Нет, нет, — сказал он. — Это просто... необычно.

— Я вообще необычная, — усмехнулась я. — Меня похитили инопланетяне, засунули в симуляцию, заставили полюбить шестерых мужиков, которых я никогда до этого не видела, а теперь я должна переспать с ними в реальности, чтобы спасти от каторги. Это не входит в стандартный набор московского тренера по кикбоксингу.

Грей рассмеялся — искренне, открыто, и от этого смеха его лицо стало таким юным и беззащитным. Я залипла на его очаровательную улыбку и поняла, что, кажется, начинаю к нему привыкать.

— Ты права, — сказал он. — Это необычно. И, наверное, именно поэтому у нас есть шанс.

— Шанс на что?

— На то, чтобы все получилось.

Я смотрела на него и чувствовала, как тепло в груди становится сильнее. Связь пульсировала, тянулась к нему, и я перестала сопротивляться.

— Перестань анализировать, — сказала я, проводя пальцами по его скуле. — Просто будь здесь.

Он накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были длинными, прохладными, уверенными.

— Я всегда рядом, Саша, — сказал он тихо. — Даже когда ты меня не видишь.

Я потянулась к нему и поцеловала.

Сначала — мягко, пробуя, изучая. Его губы были сухими, теплыми, и он не торопился углублять поцелуй, давая мне привыкнуть. Но когда я провела языком по его нижней губе, он ответил — сдержанно, но уверенно, будто всю жизнь только этого и ждал, но не позволял себе показать.

С Греем все было по-другому. Не хуже и не лучше — просто иначе. Он не торопился, как Вульф, но и не медлил. Он будто изучал меня — каждое движение, каждый вздох, каждую дрожь. Его пальцы скользили по моему телу с методичной точностью, заставляя испытывать такие ощущения, о которых я раньше не подозревала. Он касался меня так, будто читал карту — и эта карта явно для него была интереснее любой другой.

Он уложил меня на кушетку, и я почувствовала холод медицинского пластика сквозь тонкую ткань пижамы. Грей навис сверху, опираясь на локти, и его серые глаза смотрели на меня с таким вниманием, будто я была сложной головоломкой, которую он наконец получил право разгадать.

— Не смотри на меня так, — прошептала я, отводя взгляд.

— Как?

— Как на эксперимент.

— Ты не эксперимент, — ответил он, и его голос стал ниже, тяжелее, почти неузнаваемым. — Ты — решение. Ты — ответ. Мы искали тебя дольше, чем ты можешь себе представить.

Он начал с того, что провел пальцами по моему телу — от шеи до пупка, медленно, почти лениво, будто рисовал невидимые линии на моей коже. Каждое прикосновение было

легким, почти невесомым, но от них по коже бежали мурашки, и я выгибалась навстречу, сама не понимая, чего хочу.

Он обводил мои ключицы, спускался к груди, задерживался там, но потом снова вел линию к ключицам, заставлял меня терять терпение.

— Грей, — выдохнула я, когда терпение лопнуло. — Хватит играть.

— А я не играю, — ответил он, и в его голосе проскользнула усмешка. — Я изучаю.

— Изучай быстрее.

— Не могу. — Он наклонился и поцеловал мою шею — чуть ниже уха, потом выше, потом снова ниже. — Такие вещи не терпят спешки.

Он целовал меня везде — шею, ключицы, грудь, живот, бедра, — и каждый поцелуй был точным, выверенным, как хирургический разрез. Он знал, куда нажать, где задержаться, где пройти языком, где прикусить. И несмотря на то, что мне всегда раньше казалось, что я себя хорошо знаю, он будто знал меня в сто раз лучше.

— Ты читаешь меня, — прошептала я, когда он заставил меня выгнуться очередным прикосновением.

— Нет, — ответил он, поднимая голову. — Я тебя чувствую. Связь работает в обе стороны.

Он двигался медленно — так медленно, что я чувствовала буквально каждую пульсацию. Я вцепилась в его плечи, выгибаясь навстречу, требуя больше, быстрее, глубже.

— Терпи, — сказал он, и в его голосе снова появилась та самая ироничная нотка.

— Ты... специально... — простонала я, не в силах закончить фразу.

— Да.

Он двигался размеренно, контролируя каждый толчок, каждое движение бедер. Иногда он замедлялся до полной остановки, и тогда я чувствовала, как его пульс бьется внутри меня — в такт моему, как два сердца, которые наконец нашли друг друга. Иногда он ускорялся, доводя до грани, но не давая переступить.

Я уже не контролировала свои звуки — тихие стоны, сбившееся дыхание, бессвязные просьбы, которые он, кажется, игнорировал. Он сосредоточенно смотрел на мое лицо — на то, как я сжимаю простыню, как закатываются глаза, как дрожат губы, — и на его собственном лице застыло выражение удовлетворенного превосходства.

— Ты невыносим, — прошептала я.

— Знаю.

Он ускорился. Наконец-то. Его движения стали резче, глубже, и я почувствовала, как тот самый узел начинает раскручиваться. Я обхватила его ногами за талию, притягивая ближе, впиваясь пятками в его поясницу.

— Сейчас, — выдохнул он.

— Давно пора.

Волна удовольствия накрыла меня с головой. Это ощущение было продолжительным, тягучим, как теплый мед, растекающийся по всему телу. Я застонала, уткнувшись лицом в его плечо, чувствуя, как его тело напрягается, как его дыхание сбивается и становится хриплым.

Метка вспыхнула на ребрах — холодная, серебристая, сложная, как звездная карта, которую он показывал мне на голограмме. Я провела по ней пальцами, и узор засветился ярче, будто откликаясь.

— Интересно, — пробормотал Грей, разглядывая ее с профессиональным любопытством.

— Заткнись, — прошептала я, не открывая глаз.

Он усмехнулся и поцеловал меня в висок — мягко, почти нежно. Так, будто мы были не любовниками, случайно связанными обстоятельствами, а старыми друзьями, которые знают друг о друге все.

Я лежала на кушетке, пытаюсь отдышаться, и чувствовала, как метка пульсирует в такт моему сердцу — ровно, уверенно, успокаивающе. Грей сидел рядом, поправил очки — он успел надеть их обратно, разумеется, потому что без них чувствовал себя голым, — и на его лице застыло выражение удовлетворенного превосходства. Но в глазах — тех самых, серых и прозрачных — было что-то еще. Что-то теплое.

— Иди, — сказал он. — Вульф ждет. Он чует тебя через весь корабль, и это сводит его с ума. Еще немного — и он начнет ломать двери.

Я села, одернула пижаму.

— А ты как? — спросила я, уже вставая.

— А я подожду, — ответил он. — Я умею ждать. И мне есть чем заняться — нужно проверить, не сбились ли настройки после... гм... нашей активности.

Я закатила глаза, но улыбнулась.

— Ты не исправим.

— Надеюсь, — сказал он, и в его голосе снова появилась та самая ироничная нотка, которую я уже начала узнавать.

Я вышла из медблока — и сразу наткнулась на Вульфа...

Глава 10. Огонь и страсть

Вульф стоял в коридоре, прислонившись плечом к стене, и смотрел на меня так, будто я была единственным источником света в темной комнате. Его золотые глаза горели — не просто светились, а именно горели, как два угля. Светлые волосы были растрепаны — он то и дело запускал в них пальцы, взъерошивая еще сильнее, и от этого выглядел почти диким, почти нечеловеческим. Руки сжаты в кулаки, костяшки побелели, пальцы дрожат от напряжения. Он стоял и просто смотрел, и в этом взгляде было все — и нетерпение, и страх, и какая-то щенячья, беззащитная надежда.

— Я с ума схожу, — сказал он без приветствия. Голос сел, сорвался на хрип, и я поняла, что он не шутит.

— Это заметно, — ответила я, проходя мимо. — Идем.

— Куда?

— Туда, где никто не будет жаловаться на шум.

Я затащила его в пустой грузовой отсек — огромное помещение с высокими потолками, теряющимися в темноте, контейнерами вдоль стен, покрытыми слоем космической пыли, и тусклым аварийным освещением, которое мигало где-то наверху, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Дверь захлопнулась с глухим металлическим стуком, и эхо этого звука раскатилось по пустому отсеку, замерло где-то в углах.

Вульф набросился на меня сразу.

Он не ждал, не спрашивал, не давал времени привыкнуть. Его руки сжали мою талию — крепко, до хруста, до легкой боли, которая почему-то казалась приятной, — приподняли, прижали к холодной металлической стене. Я вскрикнула от неожиданности, но он уже прижался всем телом, не оставляя зазора. Его губы впились в мои — грубо, жадно, с рычанием, которое шло из самой глубины груди, из того места, где живут инстинкты, древние и неконтролируемые.

— Ты пахнешь ими, — прорычал он, отстраняясь на секунду. Его ноздри раздувались, глаза блестели в полумраке. — Греем. И Дарксом.

— Ревнуешь? — спросила я, тяжело дыша.

— Безумно. — Он вжал меня в стену сильнее, и я почувствовала, как его тело вибрирует от напряжения. — Я чувствую их на твоей коже. Их запах. Их прикосновения. Это сводит меня с ума.

— Тогда докажи, что ты лучше, — сказала я, и это была ошибка. Или не ошибка. Я не знала. Но Вульф воспринял мои слова как вызов, и все понеслось.

Он не был нежным. Он не был методичным, как Грей. Он был ураганом — срывал с меня одежду, не заботясь о том, что ткань трещит по швам, целовал там, где попало: шею, плечи, грудь, живот, бедра, — кусал, царапал, оставляя следы, шептал что-то бессвязное, прерывающееся рычанием и хриплым дыханием. Я отвечала тем же — вцепилась в его волосы, притягивая ближе, когда он целовал меня, впилась зубами в его плечо, когда он слишком сильно прижал меня к стене, царапала его спину так, что под моими ногтями на его коже оставались красные полосы.

Он оторвал меня от стены, развернул и толкнул на грудь мягких матов, лежащих в углу отсека. Я упала на спину, и он навис сверху, огромный, горячий, пахнувший потом и чем-то диким, первобытным.

— Сними штаны, — приказал он, но это прозвучало не как приказ, а как мольба.

— Сам сними, — ответила я, глядя на него снизу вверх.

Он сорвал их. Одним движением — просто дернул, и ткань разошлась по шву. Он принялся осыпать мое тело поцелуями.

Он не торопился. И это было даже странно для него.

От ощущения полноты у меня буквально перехватывало дыхание. И я закричала. От удовольствия, разумеется.

— Ты сумасшедший, — выдохнула я, вцепившись в его плечи.

— И полностью твой, — ответил он и начал двигаться быстрее.

С ним не было контроля. Не было анализа, как с Греем, не было нежности, как с Дарком. Только чистая, первобытная страсть, смешанная со смехом — он смеялся, представьте себе, посреди всего этого, срывающимся, счастливым смехом, будто ему было невыносимо хорошо, будто он ждал этого момента всю жизнь. Он двигался так, будто хотел не просто завершить связь, а доказать мне, себе, всем призракам прошлого, что он здесь, что он существует, что он может дать мне то, чего не даст никто другой.

— Я сейчас, — прошептал он.

— Я тоже, — ответила я.

Мы закончили почти одновременно. Он издал звук, похожий на рык и замер на секунду, прежде чем рухнуть на спину. Я — с криком, выгнувшись дугой, чувствуя, как тело сводит судорогой, как внутри меня пульсирует волна за волной.

В тот же миг на моем запястье вспыхнула метка — горячая, медно-красная, пульсирующая, как живая. Она засветилась ярко, осветив полумрак отсека, и я провела по ней пальцем, чувствуя тепло.

— Я люблю тебя, — выпалил Вульф, уткнувшись лицом в мои волосы.

Я не ответила. Не могла. Не потому что не хотела — просто не знала, правда это или нет. Люблю ли я его? Люблю ли их всех? Я не была уверена. Все было слишком быстро, слишком странно, слишком нереально. Но что-то внутри меня — та самая связь, которая уже пульсировала в груди — шептало, что да, возможно, это любовь. Просто не такая, как в книжках. Нежная, грубая, быстрая, медленная — разная.

Вместо ответа я обхватила его лицо ладонями и поцеловала. Долго, медленно, так, чтобы он понял: это не «нет». Это «пока не знаю, но спасибо». Это «ты важен для меня, даже если я не готова произнести эти слова».

Мы выбрались из грузового отсека растрепанные, мокрые от пота, с горящими метками и бешено колотящимися сердцами. Вульф держал меня за руку — не отпускал, сжимал мои пальцы так, будто боялся, что я исчезну, и я не вырывалась.

— Тебе нужно к Шейду, — сказал он наконец. В его голосе не было ревности — только спокойная уверенность.

— Знаю.

— Он чувствует тебя иначе, чем мы. Его связь... она другая. Более глубокая.

— В каком смысле?

— Ты увидишь. Просто... не бойся.

Он поцеловал меня в лоб и ушел, а я пошла на камбуз — пить воду и ждать.

Глава 11. Магия связи

Шейд нашел меня сам.

Я стояла на камбузе и пила воду прямо из кувшина. Нормальной посуды я так и не нашла, да и не искала, честно говоря, — просто поднесла горлышко к губам и пила, чувствуя, как холодная жидкость стекает по подбородку на шею, на ключицы, на ворот пижамы. Вода была странной — с легким металлическим привкусом, но утоляла жажду, а большего я сейчас не могла желать.

Когда за спиной раздался тихий голос, я не вздрогнула. Не знаю почему — может быть, уже привыкла к тому, что они появляются из ниоткуда, а может быть, просто слишком устала, чтобы пугаться.

— Не бойся магии, — сказал Шейд.

Я обернулась. Он стоял в дверях, заложив руки за спину, и смотрел на меня из полумрака коридора. Его серебряные глаза светились — не просто отражали свет от ламп, а именно светились изнутри, как две маленькие луны, как два огонька в ночи. Длинные седые волосы были распущены и струились по плечам почти до пояса, и от него исходило странное, тягучее спокойствие, похожее на то, что бывает перед грозой, когда воздух замирает и даже птицы замолкают.

— Я не боюсь, — сказала я, хотя это было неправдой. Я боялась. Боялась того, что он может показать. Боялась того, что могу увидеть в себе. Боялась того, что после этого уже ничего не будет по-прежнему.

Он грустно улыбнулся, будто прочитал мои мысли, хотя для этого ему не нужны были ни магия, ни сверхспособности, потому что страх был написан на моем лице так же явно, как если бы я кричала о нем во весь голос. Он протянул руку — ладонью вверх, будто предлагая не просто прикосновение, а целый мир.

— Идем.

Я взяла его за руку.

И мир исчез.

Не было корабля — ни металлических стен, ни тусклых ламп, ни гула вентиляции. Не было камбуза — ни кувшина с водой, ни холодного пола под босыми ногами. Не было времени и расстояния, не было верха и низа, не было ничего, за что мог бы зацепиться глаз или рассудок.

Вместо всего этого — серебряный туман.

Он был повсюду — густой и мерцающий, как звездная пыль, как миллиарды крошечных бриллиантов, парящих в воздухе и отражающих свет, которого не было. Я парила в нем — или стояла, или лежала, или летела, — не чувствуя ни веса, ни своего тела, только легкость и покой, которых я не испытывала никогда. Даже в самых глубоких снах, даже в моменты полного счастья, даже когда я была маленькой и мама обнимала меня перед сном — никогда. Потому что такого покоя не бывает в обычной жизни. Он бывает только здесь, в этом серебряном тумане, в этом пространстве, которое Шейд создал для нас.

А потом я увидела.

Звезды. Не такие, как за иллюминатором на корабле — далекие, холодные, равнодушные, — а живые, дышащие, пульсирующие, будто у каждой из них было свое сердце. Они переливались всеми цветами, которых я не могла назвать, потому что для них не было слов в человеческом языке. Они дышали — медленно, глубоко, как спящие великаны.

Я увидела древние леса Аратана. Фиолетовые кроны уходили в небо так высоко, что вершины терялись в облаках, а стволы были такими широкими, что внутри них мог бы поместиться целый дом. У корней росли светящиеся грибы — огромные, размером с меня, — и они переливались всеми цветами радуги: синим, зеленым, оранжевым, розовым, желтым. От

них шел мягкий, теплый свет, и в этом свете лес казался не просто лесом, а каким-то другим, волшебным измерением, куда нет доступа обычным людям.

Я увидела реки, текущие вверх. Вверх, понимаете? Они поднимались от земли к небу, как будто гравитация перестала на них действовать, и вода струилась по воздуху серебристыми лентами, переплеталась, разворачивалась, снова переплеталась — как косы, как кружево, как вязаная сеть, накинутая на мир. В этой воде плавали существа — полупрозрачные, мерцающие, похожие на медуз, но с длинными хвостами и большими глазами, в которых отражались звезды.

Я увидела существ, которых не могла описать. Они были прекрасны — и страшны одновременно. У одних было множество крыльев, у других — совсем нет тел, только светящиеся сгустки энергии, перетекающие из одной формы в другую. Они парили между деревьями, ныряли в реки, взлетали к звездам, и на их лицах — если у них были лица — застыло выражение древней, нечеловеческой мудрости.

И среди всего этого — Шейд.

Не тот, который стоял передо мной на камбузе, в своем серебряном спокойствии и отстраненности, с усталыми глазами и седыми волосами. Другой. Молодой — совсем молодой, почти мальчишка, с гладкой кожей и горящими серебряными глазами, в которых не было еще ни боли, ни потерь. Его улыбка была полна надежды — той наивной, почти детской надежды, которая бывает только у тех, кто еще не знает, как больно падать.

Он шел по лесу один.

Высокий, стройный, с распущенными волосами, которые развевались на ветру как серебряный плащ. Он шел медленно, касаясь пальцами стволов деревьев, и они, казалось, тянулись к нему, благословляя его. Птицы — или не птицы — слетались к нему на плечи, и он гладил их, что-то шептал, и они понимали. Звери выходили из чащи и садились у его ног, подставляя головы, чтобы он их погладил.

Но на его лице было такое одиночество, что у меня защемило сердце.

Он был среди всех — и он был один. Деревья его любили, звери ему доверяли, звезды шептали его имя. Но не было никого, кто был бы равен ему. Никого, кто мог бы взять его за руку и сказать: «Я здесь. Я с тобой. Я не уйду».

Таким одиноким может быть только тот, кто живет слишком долго. Кто видел слишком много смертей. Кто знает, что все, кого он полюбит, умрут раньше него, а он останется. И будет смотреть на звезды, и вспоминать их лица, и плакать — в тишине, чтобы никто не видел.

— Ты всегда был одинок? — спросила я.

Я не знала, слышит ли он меня здесь, в этом серебряном тумане. Но вопрос вырвался сам собой, потому что сердце не могло молчать.

— Очень долго, — ответил его голос.

Он звучал отовсюду и ниоткуда — из самого воздуха и звезд на небе, из земли под ногами, из воды в реках. Он был повсюду, и я чувствовала, как он обволакивает меня, как теплая волна, как материнское объятие.

— Пока не встретил стаю. А потом и тебя, — добавил он.

И в этих словах было все. Все тысячи лет ожидания. Все рассыпавшиеся надежды. Все ночи, когда он смотрел на звезды и просил их послать ему кого-то, кто поймет. Все дни, когда он просыпался и понимал, что снова один.

Я почувствовала, как он касается меня.

Не руками — нет, не в том смысле. Это было нечто более глубокое, чем физическое прикосновение. Его магия проникала в каждую клетку, каждую молекулу, каждый атом моего тела. Она переплеталась с моей собственной энергией — с моей душой, с тем, что я считала собой, с той невидимой субстанцией, которая делает человека человеком, — и я не сопротивлялась. Не могла, да и не хотела.

Это было похоже на возвращение домой после долгого, долгого путешествия. На то, как если бы ты шел по пустыне много лет и наконец увидел оазис. На то, как если бы ты звал кого-то всю жизнь и наконец услышал ответ.

Мы оказались в центре серебряного тумана — обнаженные, но без стыда, потому что здесь, в этом пространстве, не было понятий «стыдно» или «не стыдно», «правильно» или «неправильно». Было только то, что есть. Только мы. Только звезды. Только бесконечность, простирающаяся во все стороны до самого края мироздания.

Он обвил меня руками — невесомыми, почти призрачными, но при этом твердыми и реальными, как если бы его тело было соткано из света и льда. Я чувствовала, как его пальцы скользят по моей спине, не касаясь кожи — касаясь чего-то за ней, чего-то, что находится глубже, там, где не достать ни одному прикосновению.

— Не бойся, — прошептал он, и его голос звучал прямо в моей голове, точно мысль, ставшая осязаемой. — Я не причиню тебе боли.

— Я знаю, — ответила я.

Это было не похоже на секс с остальными. Не было резких движений, громких стонов, потери контроля. Не было страсти, иступления, животной силы, которая заставляла меня вцепляться в его плечи и шептать проклятия. Вместо этого — медленное, бесконечное погружение, растворение границ между мной и ним, между прошлым и будущим, между тем, что было, и тем, что будет.

Он был повсюду. Внутри меня и снаружи. Он заполнял меня — не физически, а как-то иначе, на уровне, для которого в человеческом языке нет слов, потому что человеческий язык не создан для таких вещей. Человеческий язык создан для того, чтобы сказать «я хочу пить» или «дай мне хлеб», а не для того, чтобы описать то, как две души переплетаются в серебряном тумане под взглядами древних звезд.

Это было похоже на то, как если бы две реки сливались в одну. Они не теряют себя, не исчезают, не перестают быть реками — но становятся чем-то большим, чем каждая по отдельности. Они текут вместе, и их воды смешиваются, и уже нельзя понять, где кончается одна и начинается другая.

Мы были такими реками.

Я чувствовала, как его магия течет по моим венам, смешиваясь с кровью, с теплом, с той неведомой субстанцией, которая, наверное, и есть жизнь. Я чувствовала, как его мысли — полные тысяч лет воспоминаний — проникают в мою голову, и я не отгораживалась, не защищалась. Я принимала все. Каждую боль. Каждую потерю. Каждую надежду.

Мы двигались вместе — в такт, в унисон, без слов, без звуков, в полной тишине этого серебряного пространства. Иногда он замедлялся, и тогда я чувствовала, как его пульс бьется в ритме с моим — медленно, спокойно, точно шелест листьев в безветренную погоду. Иногда он ускорялся, и тогда звезды вокруг начинали кружиться, и я теряла ощущение верха и низа, прошлого и будущего, оставалось только настоящее — здесь и сейчас, он и я.

Я не знаю, сколько это длилось. Может быть, минуту. Может быть, час. Может быть, вечность. В этом пространстве время не имело значения.

Он показывал мне свою жизнь.

Я видела его маленьким — серебряные глаза на детском лице, волосы еще светлее, почти белые. Он сидел на коленях у женщины с такими же серебряными глазами, и она пела ему песню на незнакомом языке, и в ее голосе было столько любви, что у меня перехватило дыхание.

Потом она исчезла. Все исчезали. Он хоронил своих родителей и своих друзей. Он стоял у могил и смотрел на звезды, и его лицо было спокойным, но внутри него разрывалась какая-то пружина, и я чувствовала эту боль как свою.

Я видела, как он бродит по пустынным планетам — красным, фиолетовым, черным, — где нет ничего, кроме песка и ветра. Он искал что-то — не знаю что, и он сам, кажется, не знал. Может быть, смысл. Может быть, покой. Может быть, ответ на вопрос, зачем он живет так долго.

Я видела, как он медитирует на вершинах гор — там, где воздух такой разреженный, что человек не может дышать, но ему было все равно. Он сидел, скрестив ноги, и его серебряная магия поднималась к небу тонкими нитями, и я чувствовала, как эти нити тянутся к звездам, и звезды отвечают.

Я видела, как он разговаривает с духами древних лесов — теми самыми, полупрозрачными существами, которых я не могла описать. Он знал их имена, а они знали его. Они говорили на языке, которого я не понимала, но смысл доходил до меня без слов: «Ты не один. Мы с тобой. Но мы не такие, как ты».

Я чувствовала его боль и его усталость.

Но под всей этой усталостью и болью, под всеми потерями — я чувствовала его веру. Странную, нерациональную, почти детскую веру в то, что когда-нибудь появится кто-то, кто поймет. Кто придет и не испугается. Кто посмотрит в его серебряные глаза и не отведет взгляд.

Я поняла. Всем своим существом — каждой клеткой, каждой молекулой, каждой частицей, из которой я состояла.

Он ждал меня.

И я пришла.

Пусть не по своей воле — меня привезли, засунули в симуляцию, поставили перед выбором. Но я пришла. И я здесь, с ним, в этом серебряном тумане, под этими живыми звездами. И это не случайность. И не совпадение.

Это судьба.

Или магия.

Или просто череда событий, которые привели меня в нужное место в нужное время.

Я не знала, как это называется. Но я знала, что не хочу отсюда уходить. Не хочу, чтобы этот момент заканчивался. Не хочу возвращаться в холодный металлический корабль, в пижаму с дурацким принтом, в реальность, где меня ждут еще четверо мужчин и правительственный крейсер.

Я хотела остаться здесь — с ним, в этой серебряной бесконечности, где нет времени, где нет боли, где есть только мы и звезды.

Но связь требовала завершения.

Я почувствовала это — как внутри меня, где-то в самой глубине, где-то там, где спала эта дурацкая связь, начинается что-то новое. Что-то, чему нет названия. Что-то похожее на цветок, который распускается из бутона. На волну, которая поднимается в океане. На свет, который просачивается сквозь тучи.

Он замедлился. И ускорился. И снова замедлился. Наши движения стали мягче и глубже. Я не знаю, как это описать. Это было как музыка, где нет нот, но есть ритм, и ты чувствуешь его всем телом. Как танец, в котором нет правильных движений, но ты знаешь, куда поставить ногу, потому что партнер ведет тебя.

Он вошел в меня глубже — не физически, а на том уровне, где не было физики. И я почувствовала, как мое тело — то, настоящее, которое осталось где-то там, на камбузе, — выгибается, точно лук перед выстрелом. Как мышцы напрягаются и расслабляются без моей команды. Как дыхание становится глубже и чаще.

Я отдалась этому ощущению. Отдалась ему. Отдалась магии.

То, что я испытала казалось было для меня совершенно непривычным. Это было похоже на то, как если бы я всю жизнь стояла на берегу, смотрела на океан и вдруг шагнула в воду.

И вода оказалась теплой, приятной, обволакивающей. И я поплыла, и мне было легко, и я не хотела останавливаться.

Меня накрыло медленно — как теплая волна, как мягкое одеяло, как мамины руки. Я почувствовала, как все мое тело — буквально каждая его клеточка — наполняется светом. Серебряным, мягким, теплым. Он шел откуда-то изнутри, из самой глубины, и разливался по мне, как вода по сухой земле.

Я замерла — не дыша, не двигаясь, не думая.

И в этот момент, в этой полной тишине, в этой полной неподвижности, я почувствовала, как метка проступает на моей коже. На внутренней стороне бедра — холодная, серебряная, изящная. Как снежинка. Как морозный узор на стекле. Как кружево, сотканное из света.

Она пульсировала в такт моему сердцу — медленно, спокойно, умиротворенно.

Я открыла глаза.

Проснулась я на холодном полу камбуза. Лежала на боку, поджав колени к груди, и щекой чувствовала рифленую поверхность металлических плит. Руки дрожали. Все тело дрожало — мелкой, неуправляемой дрожью, как после долгой болезни, когда температура наконец спадает.

Шейд сидел рядом, скрестив ноги. Его серебряные глаза смотрели на меня — не сверху вниз, не с высоты его мудрости, а прямо, как равный на равного. В них не было ни превосходства, ни жалости, только тихая, глубокая благодарность. И еще что-то, похожее на удивление — будто он сам не верил, что это произошло.

Метка горела на внутренней стороне бедра. Я не видела ее, но чувствовала — холодный, серебряный узор, который пульсировал в такт сердцу. Он был очень красивым.

А потом я плакала. Сама не знала, почему. Слезы текли по щекам, капали на холодный металлический пол, и я не вытирала их — просто лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как каждая слезинка уносит с собой что-то, что мешало мне жить.

— Это нормально, — сказал Шейд. — Магия часто вызывает слезы. Это очищение.

— Я не из-за магии, — прошептала я. Голос сорвался, сломался где-то на середине, превратился в хрип. — Я из-за тебя.

Он не ответил. Просто погладил меня по голове — легко, почти невесомо, как прикосновение легкого ветерка в жаркий день. И в этом жесте было столько нежности, что я снова заплакала.

Я позволила себе минуту слабости — просто лежать и плакать, чувствуя, как его пальцы перебирают мои волосы, как его спокойствие передается мне, как в груди становится тише и светлее. Потом я села, вытерла лицо рукавом и посмотрела на него.

— Спасибо, — сказала я.

— Тебе спасибо, — ответил он.

Я не стала спрашивать, за что. Я и так знала.

Я поднялась на ноги. Тело все еще дрожало, но теперь это была не слабость — скорее, переизбыток чего-то нового, чему я еще не научилась управлять. Метка пульсировала спокойно, ровно, напоминая о том, что только что произошло.

— Мне нужно идти к Блэйду, — спокойно сказала я.

Я кивнула и пошла к двери. У выхода остановилась, обернулась.

Шейд все так же сидел на полу, скрестив ноги. Серебряные глаза светились в полумраке камбуза.

— Мы обязательно повторим это, — сказала я. — После всего.

— Я знаю, — ответил он.

Я вышла в коридор и пошла к тренировочному залу — туда, где меня ждал Блэйд. Наверное, закрепить связь с ним будет сложнее всего.

Метка на бедре пульсировала в такт шагам, и в этой пульсации было что-то успокаивающее. Что-то, что говорило: ты не одна. Даже когда идешь по пустому коридору босиком. Даже когда не знаешь, что будет дальше.

Я не одна.

И это, кажется, самое главное.

Глава 12. Исцеление

Блэйд.

Он был следующим. И, казалось, это мне дастся тяжелее всего. Не потому, что он был страшным или отталкивающим — нет. А потому, что он сам считал себя таким. И мне предстояло доказать ему обратное.

Я нашла его в тренировочном зале. Он стоял посреди пустого помещения, освещенного только узкими полосами аварийных ламп, которые выхватывали из темноты то его плечо, то край лица, то сжатые кулаки. Он смотрел в стену — белую, голую, без единого пятна, — и его спина была напряжена, как струна. Кулаки сжаты до белых костяшек. Единственный глаз закрыт.

— Блэйд, — позвала я.

Он вздрогнул. Не обернулся.

— Уходи, — сказал он глухо. Голос звучал так, будто шел из-под земли.

— Нет.

— Саша, пожалуйста. Я не... — Он запнулся, сглотнул. — Я не смогу сдержаться. Не в том смысле. Я просто...

— Ты не что? — Я подошла ближе. — Не хочешь? Не можешь? Боишься?

— Я уродлив, — выдохнул он, и это слово повисло в воздухе, тяжелое, как приговор. — Посмотри на меня. Шрамы, повязка, искалеченное лицо. Ты заслуживаешь лучшего.

Я встала перед ним. Подняла руку и коснулась его щеки. Он дернулся, как от удара, но не отшатнулся. Стоял, затаив дыхание.

— Ты спас меня, — сказала я. — Ты вырвал меня из лап работарговцев. Ты думаешь, что какие-то шрамы меня остановят?

— Они не «какие-то», — его голос сорвался, сломался где-то на середине фразы. — Мое лицо — это один сплошной шрам. Каждый, кто на меня смотрит, видит только это. Я не могу смотреть на себя в зеркало, а ты предлагаешь...

— Я предлагаю тебе посмотреть на меня.

Я взяла его лицо в ладони. Заставила повернуться ко мне. Заставила открыть единственный глаз — и увидела в нем столько боли, что на секунду забыла, как дышать. Там было все — и страх, и надежда, и отчаяние, и что-то еще, очень хрупкое, очень маленькое, что пряталось в самой глубине.

— Ты спас меня, — повторила я, медленно, по слогам, чтобы он понял. — Ты был рядом, когда я просыпалась. Ты поймал мою руку, когда я хотела сорвать капельницу. Ты не говорил красивых слов, не обещал золотые горы. Ты просто был рядом. И этого достаточно. Этого более чем достаточно.

— Саша...

— Заткнись. — Я потянулась к его повязке. — Можно?

Он замер. Напрягся так, что, казалось, кости затрещат, мышцы вздулись под кожей. Потом чуть кивнул — едва заметно, но я увидела.

Я сняла повязку.

Под ней была впадина — пустая глазница, стянутая неровной, багровой кожей, блестящей от старых шрамов. Шрамы расходились от нее в стороны, как паучьи лапы, пересекали скулу, лоб, подбородок, спускались на шею, терялись за воротом свитера. В свете аварийных ламп они казались почти черными — глубокими, старыми, зажившими, но не забытыми.

Блэйд стоял, не дыша. Ждал приговора. Его единственный глаз был закрыт — он не мог смотреть на меня, не мог видеть мою реакцию.

Я наклонилась и поцеловала его в закрытый глаз — здоровый, на котором ресницы были длинными и темными. Потом — в пустую глазницу. В сморщенную, багровую кожу, которая была когда-то его лицом. Потом — в каждый шрам, один за другим: на скуле, на лбу, на подбородке, на виске. Я целовала их медленно, благоговейно, как целуют святыни, и чувствовала, как он дрожит под моими губами.

— Ты не уродлив, — сказала я ему в губы, почти касаясь. — Ты — самый красивый из всех. Потому что ты продолжаешь бороться. Потому что ты здесь, со мной. Со мной, Блэйд. Я не уйду.

Он сломался.

Я увидела это по тому, как дрогнули его плечи, как из единственного глаза выкатилась слеза — медленно, тяжело, пробираясь по шраму, застревая в неровностях кожи. Как его руки — огромные, шрамированные, способные убивать голыми руками — осторожно обхватили меня, будто я была чем-то хрупким и бесценным, будто я могла рассыпаться от одного неловкого движения.

— Я не сделаю тебе больно, — прошептал он. — Клянусь. Я лучше умру, чем сделаю тебе больно.

— Я знаю, — ответила я. — Я тебе верю.

Он опустился на колени передо мной, и я почувствовала, как его губы касаются моего живота — сквозь тонкую ткань пижамы, которая оставалась единственным, что нас разделяло. Он целовал меня через ткань — медленно, осторожно, почти благоговейно, — и это было странно и прекрасно одновременно. Его дыхание было горячим, прерывистым, и я чувствовала, как оно обжигает кожу.

Я сняла пижаму сама — не спеша, позволяя ему смотреть. Я хотела, чтобы он видел. Видел мое тело — не идеальное, не модельное, со шрамами от тренировок и синяками от жизни. Но мое. Настоящее. Я не пряталась.

Его взгляд скользил по моему телу, и я не отворачивалась, не прикрывалась.

— Иди сюда, — сказала я, протягивая руки.

Он поднялся и прижался ко мне — всем телом, впервые без страха и без защиты. Я чувствовала его шрамы под пальцами — каждый рубец, каждую неровность кожи. Он дрожал, и я гладила его спину, шептала что-то бессвязное, пока дрожь не утихла.

— Ложись, — сказала я, толкая его на маты.

Он послушался. Лег на спину, глядя на меня снизу вверх, и в его глазе не было страха — только ожидание. Я села на него сверху, медленно, чувствуя его полностью, и ощущая как его тело напрягается подо мной.

— Смотри на меня, — сказала я. — Не закрывай глаз. Смотри.

Он смотрел.

Я двигалась медленно, чувствуя каждое движение. Я наклонялась и целовала его шрамы — на груди, на плече, на шее, на ключицах. Я шептала его имя, и он отвечал — не словами, а дрожью, вздохами, тем, как его руки — осторожно, боязливо — скользили по моим бедрам.

— Быстрее, — попросил он хрипло.

— Нет, — ответила я. — Не сегодня. Сегодня — медленно.

Он не спорил. Он смотрел на меня снизу вверх, и я чувствовала, что он принимал мою медительность, мою нежность, мою любовь — если это можно было назвать любовью.

Я ускорила, когда почувствовала, что он близко. Его пальцы впились в мои бедра, помогая, направляя, но не перехватывая контроль. Я чувствовала, как внутри меня затягивается тот самый узел, который вот-вот разорвется.

— Сейчас, — прошептал я.

— Да, — ответила я.

Метка вспыхнула на моей ключице — темная, неровная, похожая на шрам, оставленный правдой. Я провела по ней пальцем, чувствуя тепло.

Мы лежали на матах, обнимая крепко друг друга. Мокрые от пота и слез. Блэйд гладил мои волосы — медленно, задумчиво, будто не веря, что я здесь, что я не ушла.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — ответила я.

А в дверях тренировочного зала стоял Кейрон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.